

Чем больше проходит времени после его возвращения на Родину, тем больше крепнет в нем уверенность, что нашел-таки он этот золотой ключик. А впервые Александр Солженицын пришел к такому выводу, размышляя об отечественной истории и судьбах сегодняшних россиян, еще будучи в изгнании, в Вермонте, в Соединенных Штатах Америки.

Он не любит давать интервью журналистам – предпочитает проверять свои мысли на обычных, как правило, людях. И не в сибирской, самодовольной, верхоглядной столице, а где-нибудь в сельской глубинке или провинциальном городе. Он и с себе с гордостью говорит: "Я коренной российский провинции" или "Я принадлежу к старине". Солженицын еще при Советах громогласно заявлял: "Станет ли наша страна цветущей, решительно зависит не от Москвы, Петербурга, Минска, Киева, а от провинции". Поэтому и сейчас, несмотря на свой почтенный возраст (77 лет все же!), как никто из нынешних российских писателей, много ездит по провинции.

Одна из самых последних его поездок только что состоялась в Пензенскую землю. Но почему именно Пенза вдруг стала очередным адресом ваших интересов? – первое, что спросили у него в этом городе.

– Потому что ни разу еще не бывал здесь, – попробовал отшутиться он, – но, смыкнувшись с лицом улыбку, улыбнулся добавил: – Очень многое наслышан про ваши края. Тем охотнее буду с ними знакомиться. К тому же мне рассказывали, здесь имеется довольно интересный опыт решения проблем, которые меня волнуют, например возрождение земства...

A НАЧАЛОСЬ ВСЕ С КОНФУЗА

Не каждый день – лауреат Нобелевских премий, да еще такого масштаба, как Солженицын, привозят в губернскую Пензу. Встречать его на первом железнодорожном вокзале кроны официальных лиц пришел весь местный бомонд – писатели, художники, журналисты, музыканты, любители его творчества и просто любители поглазеть. Все ожидали, что именный гость приедет в одиннадцатом – "Губернаторском" – спальному вагону фирменной "Суры", в котором обычно ездят только руководители области да самые "крутые" из здешних "новых русских". Но оказывается, Александр Исаевич, всю жизнь путешествующий в теплушках да "народных" плацкартных вагонах, не изменил своей привычки.

Пренебрег он и черной "Волгой", поданной к подъезду его гостиницы для смотра города. "Я привык только пешком, – голосом, не терпящим вразумить, сказал Александр Исаевич. – Иначе и Пензы не почувствую!"

Маршрут своих прогулок также выбрал сам. Первым делом заглянул к работникам миграционных служб. Больше часа длилась эта встреча. Александр Исаевич вник в все мелочи обустройства прибывающих сюда беженцев, а также вынужденных переселенцев из "горячих точек" России и стран ближнего зарубежья. Их беды и боль за поруганное достоинство Солженицын воспринимает как личную трагедию. Но об этом несколько позже. А пока пойдем к нам дальше.

Из миграционной службы он поспешил поклониться величайшему писателю – историку Василию Осиповичу Ключевскому – в его домик-музее. По пути полюбовался чудом сохранившимися старинными куличевскими особняками на центральной Московской улице. Прошелся по парку имени Белинского, одному из лучших в России. А вот знаменитую Пензенскую картинную галерею и не менее знаменитый музей – "Одной картины", народного творчества, театральный имени Мейерхольда, литературный и тем более музей отца Ленина Ильи Николаевича Ульянова (тот здесь начал учительствовать, познакомился с будущей матерью жены – красавицей Мариной Бланк, с которой позже и обвенчалась) прогонировал. Тот направился к Лермонтовскому скверу, чтобы поглядеть на памятник, в которых когда-то вице-губернатором М. Е. Салтыковым – Задорином.

Причём ходил он по Пензе настолько быстрым и непривычным для местного люда шагом, что сопровождавшие его работники областной администрации, по возрасту годившиеся ему чуть ли не во взрослые, все послевали за своим гостем. Благо еще, что Солженицын всюду узнавали, заговаривали с ним, просили фотограф. Он охотно вступал в беседу и никому не отказывал в автографе, если... предлагали сделать надпись на его собственной книге. Ни на чем другом, даже на своем портрете, Солженицын автографов не дает.

Еще один конфуз случился, когда Александр Исаевич отказался от шикарного обеда, специально для него приготовленного лучшим поваром одного из самых знаменитых своей кухней пензенских ресторанов. "Мы бы чего-нибудь попробовали, – взмолился он, – чайки, например, бутерброд с маслом..." Задорин вперед скажи, что во время его многочисленных поездок по областям, увлекавшим разговорами, он зачастую и вовсе забывал о еде. Наконец пордком оглохавшие сопровождавшие его лица взмолились – дескать, они тоже могут обойтись без обеда, дотерпят до дома (ночевать писатель всегда возвращался в Пензу), но водите не должны страдать, дорога – не ближний свет и не акти какая. Поэтому этот Александр Исаевич смирялся – так и быть, поплачка из своего до предела насыщенного времени стал жертвой на обед.

Удивил он всех и на первой же официальной встрече с жителями Пензы в местном Доме искусств. Но сначала, видимо, следует замечать, что вообще-то пензенцы – народ избалованный. Ведь не зря их город, эти "Мордовские Афины", пролетарский писатель Максим Горький называл еще и "литературной столицей России". Он имеет отношение ко многим славным именам нашего Отечества – от Лермонтова, Белинского, Радищева, Дениса Давыдова до Куприна, Булгакова, Ключевского, Мейерхольда, Мозжухина, Руслановой... Поэтому не обходят своим вниманием Пензу и современные писатели, другие стилические деятели культуры. Но встречи с ними в том же Доме искусств, как правило, проходят по одной "холодке": сначала высокий гость долго рассказывает о себе или еще о чем ему вздумается. А уж потом иногда вспоминает и на вопросы, если они у кого-нибудь к тому времени появятся. Солженицын и здесь оказался похожим только на самого себя.

– Друзья мои! Я никогда не приезжаю с готовой речью. Меня интересует, что скажете вы, а не что скажу я, – с ходу заявил он.

Зап спешил и, как мне показалось, даже растерялся. На какое-то время налился тягостное молчание. Очень уж непривычным показалось такое начало. Наконец несмело вышел на сцену мужчина и, поклонившись Солженицыну в пояс, начал каяться и просить у него прощения за то, что лет двадцать назад, выступая на комсомольском собрании, клеймил его вскими нехорошими словами и даже декламировал поэтический стих из тогдашнего "Крокодила". Александр Исаевич отмахнулся от него как от назойливой мухи, мол, он давно уже всех простили и на кого ляг не станет.

Не успел мужчина со сцены, как его место заняла эхзактированная дамочка бальзаковского возраста. И заворковала: "Ах, какой вы мудрый! Ах, какой вы великий! Ах, спасибо, что почтили своим вниманием наше захолустье!" Александр Исаевич не знал куда деться. Удивленная дамочка публике вмиг обиделась.

"СУДЬБА НАРОДА – ЕГО ХАРАКТЕР"

с ходу, как о давно выношенном, продуманном и понятном, отвечает Солженицын.

– Жизнь в тюрьме и лагере научила меня: сам человек, его характер, а не среда, как принято было считать в XIX веке (помните – "среда зала", "среда виновата", "среда исправим, и все будет хорошо"), определяют его судьбу, – убежден он. – И пока человек не ста-

вь должен ответить за чеченскую авантюру? – пытаются его собеседники. – Кто, на ваш взгляд, в первую очередь виноват – президент, министр обороны или...

– Конечно, можно поговорить и о конкретных личностях, – спокойно отвечает Солженицын. – Но скажу вам так: мне уже на Западе надоели такие разговоры, потому что они бесполезны. И не думайте, что если Иванова заменят Петровым, а Козлова – Сидоровым, то только от этого все изменится к лучшему и дальше пойдет как по маслу. Не изме-

нется и не пойдет. Смею вас заверить. Поэтому всегда предпочитаю вести речь не о личностях, а о процессах. Стараюсь смотреть в глубину...

"РУКИ РАЗВЯЖЕТ ЗЕМСТВО"

Еще живя в Вермонте, он сердцем почувствовал и умом вычислил: с Россией плохо. Теперь, изъездив всю страну, как говорится, вдоль и поперек, убедился, что "российский корабль пробит в 150 местах или, как он сам выражается, "течет в 150 дыр". И в то же время за год жизни здесь Солженицын, по его словам, столько видел людей инициативных, талантливых, энергичных, рвущихся в дело. Но руки ноги у них по-прежнему, как и при Советах, связаны, способности не восстремованы, потому что и при "демократии" в России все решается сверху.

– Я говорил и буду говорить: демократия у нас и не пахнет! – со всей ответственностью заявляет Солженицын. – Демократия у нас и не начиналась. Демократия – это когда народ управляет собой сам. А у нас страной управляет олигархия, то есть определенная группа связанных между собой лиц, как бы плавающих над народом.

– Вы видели дерево или траву, которые растут сверху? – не скрывая своего ироничного гнева, с присущим ему сарказмом вопрошает певаков Солженицын. – Не видели? И я не видел. Вот так и в обществе – ничего по указке сверху не вырастает!

– Вы думаете, почему так хорошо живут в Швейцарии или Америке? – снова вопрошает он, и опять сам же себе и отвечает: – Потому что 85-90 процентов всех вопросов, касающихся жизни человека, там решается на месте. А на то, как там "плещут" или "кувыкаются" в Вашингтоне или Берлине, какой президент, какое правительство, им наплевать. Ну, исключая разве что вопросы войны и мира. Вот и нам надо дать возможность каждой ячейке (общине, селу, району, малому городу, а потом и крупному, соплеменному) иметь свою самоуправление, свои финансы и право распоряжаться ими.

– В России таких местных самоуправления истиры называли земством. Еще в изгнании, размытая над отечественной историей и судьбами сегодняшних россиян, писатель пришел к выводу: "сегодня только земство может развязать руки россиянам, только земство – ключ к спасению России". И теперь, по возвращении на родину, чем дальше он живет здесь, тем больше знакомится со страной и своими соотечественниками, тем больше в том укрепляется его уверенность.

– Зачем попугайничать и изобретать венесип, когда у нас уже шесть веков назад, еще до Ивана Грозного, отлично себя показала такая идеальная для России форма местного народного самоуправления, как земство? – гордится он. – Понятно, сейчас иные времена и, естественно, я не призываю к восстановлению старого земства. Я за то, чтобы в нынешних организациях местного народного самоуправления, в возрожденных на новой основе земствах аккумулировались все лучшее, проверенное веками российской жизни, и в первую очередь их внешнепартийность, внешнациональность, внеполитичность.

И хотя Солженицын о найденном им "ключе возрождения России" говорит не только о нем самом, все зависит от нас самих. А мы, к сожалению, далеко не всегда на высоте. Александр Исаевич с горечью рассказывает, что он за последние время в разных концах страны провел более сорока встреч с россиянами. О чём только с ним не разговаривали, о чём только не спрашивали. Но одну тему, будто говорившись с исключением единственного раза у границы с Казахстаном, не затронули. Это – судьба наших соотечественников или "отрезанных россиян", как их окрестили сам Солженицын, в странах так называемого ближнего зарубежья. Жили-жили они там, в третьем-четвертом поколении считали, что у себя на родине находятся. И вдруг проснулись однажды, а им говорят: вы здесь нежелательные иностранцы, убирайтесь вон! И хотя таких "отрезанных соотечественников" аж 25 миллионов, для нас будто нет. Мы о них не думаем и не вспоминаем. Вот и на пензенских встречах ни разу не заводили разговор о них и не интересовались их судьбой. Словом, как всегда, пока жареный петух нас самих в одно место не клонит, мы и не пошевелимся. "Это тоже наш народный характер", – делал он упрек своим собеседникам на каждой встрече. – Это тоже наше национальное сознание! Какая еще страна может бросить 25 миллионов своих соотечественников и забыть?! А мы вот бросили и забыли!"

Нет, совсем не случайно первое учреждение, которое посетил Солженицын по приезду в Пензу (помните?), было миграционной службой. Да и во всех других местах, где успел побывать Александр Исаевич, он старался встречаться с работниками этих организаций и смирился с переселенцами. И в Никольске, в Наровчатах, и в Старом Каменке, Тарханах, Кузнецке... Даже специально в селе "Дертевский" ездил, в котором, ему сказали, особенно много беженцев из Киргизии.

Итак, история... Он снова и снова на разные лады произносит эту фразу своего оппонента, точно пробует ее на звуки извзвешивания на весах. И опять распахивается: "Почему же Ленин не читал ее, когда приказал уничтожить все памятники русским царям? А сейчас, выходят, все же читим, если не снесли ни одного памятника!"

– Вы говорите, надо читать историю. Позвольте вас спросить: какую историю надо читать? Ту историю, в которой нас ломали, гноили в лагерях, расстреливали? Нет уж, увольте!

– История надо знать, а не читать! – гремит, перекатываясь по полу его голос.

– Я развоз учащихся в школы, – сказал Александр Исаевич. – Но не призываю гробить, то есть говорить, что мы попали в такое невынужденное положение, из которого выхода нет. Могу сказать только одно: все зависит от нас самих.

А мы, к сожалению, далеко не всегда на высоте. Александр Исаевич с горечью рассказывает, что он за последние время в разных концах страны провел более сорока встреч с россиянами. О чём только с ним не разговаривали, о чём только не спрашивали. Но одну тему, будто говорившись с исключением единственного раза у границы с Казахстаном, не затронули. Это – судьба наших соотечественников или "отрезанных россиян", как их окрестили сам Солженицын, в странах так называемого ближнего зарубежья. Жили-жили они там, в третьем-четвертом поколении считали, что у себя на родине находятся. И вдруг проснулись однажды, а им говорят: вы здесь нежелательные иностранцы, убирайтесь вон! И хотя таких "отрезанных соотечественников" аж 25 миллионов, для нас будто нет. Мы о них не думаем и не вспоминаем. Вот и на пензенских встречах ни разу не заводили разговор о них и не интересовались их судьбой. Словом, как всегда, пока жареный петух нас самих в одно место не клонит, мы и не пошевелимся. "Это тоже наш народный характер", – делал он упрек своим собеседникам на каждой встрече. – Это тоже наше национальное сознание! Какая еще страна может бросить 25 миллионов своих соотечественников и забыть?! А мы вот бросили и забыли!"

Итак, история... Он снова и снова на разные лады произносит эту фразу своего оппонента, точно пробует ее на звуки извзвешивания на весах. И опять распахивается: "Почему же Ленин не читал ее, когда приказал уничтожить все памятники русским царям? А сейчас, выходят, все же читим, если не снесли ни одного памятника!"

– Я бы тоже не мешал вас хотеть знать, чтотворится в тех краевах, – отвечает Солженицын. – Но я туда не ехал. Хотел бы знать и как это можно

зимой, – делает он упрек своим собеседникам на каждой встрече. – Это тоже наш народный характер, – делает он упрек своим собеседникам на каждой встрече.

– Я бы тоже не мешал вас хотеть знать, чтотворится в тех краевах, – отвечает Солженицын. – Но я туда не ехал. Хотел бы знать и как это можно

зимой, – делает он упрек своим собеседникам на каждой встрече. – Это тоже наш народный характер, – делает он упрек своим собеседникам на каждой встрече.

– Я бы тоже не мешал вас хотеть знать, чтотворится в тех краевах, – отвечает Солженицын. – Но я туда не ехал. Хотел бы знать и как это можно

зимой, – делает он упрек своим собеседникам на каждой встрече. – Это тоже наш народный характер, – делает он упрек своим собеседникам на каждой встрече.

– Я бы тоже не мешал вас хотеть знать, чтотворится в тех краевах, – отвечает Солженицын. – Но я туда не ехал. Хотел бы знать и как это можно

зимой, – делает он упрек своим собеседникам на каждой встрече. – Это тоже наш народный характер, – делает он упрек своим собеседникам на каждой встрече.

– Я бы тоже не мешал вас хотеть знать, чтотворится в тех краевах, – отвечает Солженицын. – Но я туда не ехал. Хотел бы знать и как это можно

зимой, – делает он упрек своим собеседникам на каждой встрече. – Это тоже наш народный характер, – делает он упрек своим собеседникам на каждой встрече.

– Я бы тоже не мешал вас хотеть знать, чтотворится в тех краевах, – отвечает Солженицын. – Но я туда не ехал. Хотел бы знать и как это можно

зимой, – делает он упрек своим собеседникам на каждой встрече. – Это тоже наш народный характер, – делает он упрек своим собеседникам на каждой встрече.

– Я бы тоже не мешал вас хотеть знать, чтотворится в тех краевах, – отвечает Солженицын. – Но я туда не ехал. Хотел бы знать и как это можно

зимой, – делает он упрек своим собеседникам на каждой встрече. – Это тоже наш народный характер, – делает он упрек своим собеседникам на каждой встрече.

– Я бы тоже не мешал вас хотеть знать, чтотворится в тех краевах, – отвечает Солженицын. – Но я туда не ехал. Хотел бы знать и как это можно

зимой, – делает он упрек своим собеседникам на каждой встрече. – Это тоже наш народный характер, – делает он упрек своим собеседникам на каждой встрече.

– Я бы тоже не мешал вас хотеть знать, чтотворится в тех краевах, – отвечает Солженицын. – Но я туда не ехал. Хотел бы знать и как это можно

зимой, – делает он упрек своим собеседникам на каждой встрече.